

3. Горелик Л.Л. Ранняя проза Пастернака: миф о творении. Смоленск, 2000.

4. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. IV : Доктор Живаго. М. : Слово/Slovo, 2004.

5. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак : материалы для библиографии. М. : Сов. писатель, 1989.

**“German text” in the novel
by B.L. Pasternak “Doctor Zhivago”**

There are thoroughly analyzed the facts of B. Pasternak’s reference to the German culture code and the methods of its implementation in the novel “Doctor Zhivago”.

Key words: *B. Pasternak, Russian and German literature relations, “Doctor Zhivago”, motive of storm, transformation of image.*

М.А. ШИРЯЕВА
(Волгоград)

**БЫТ И ИСТОРИЯ В МЕМУАРАХ
Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ**

Рассматривается специфика историзма Н.Н. Берберовой: особенности мемуарного жанра книги «Курсив мой», круг тем, их освещение.

Ключевые слова: *мемуары, историзм, русское зарубежье, первая волна.*

В 1969 г. по-английски, а в 1972 г. на русском языке была опубликована автобиография Н.Н. Берберовой «Курсив мой». Книга дает уникальную панораму интеллектуальной и художественной жизни России и русского зарубежья в период между двумя мировыми войнами, реконструирует прошлое в идеологическом и духовном контексте времени. Более того, она содержит ценные мемуарные свидетельства (особенно о В. Ходасевиче) и общий взгляд на творчество видных писателей (В. Набоков, Г. Иванов и др.), что нарушает каноны заявленного автором жанра, поскольку личное жизнеописание не является единственной целью автора. Можно сказать, что «Курсив мой» – биография «коллективная». Сама же Берберова оценивала свое произведение

прежде всего как текст исповедального характера: «Эта книга – не воспоминания. Эта книга – история моей жизни, попытка рассказать эту жизнь в хронологическом порядке и раскрыть ее смысл... Я пишу о себе в прошлом и настоящем, и о прошлом говорю моим настоящим языком...» [1, с. 5]. Характерно отношение Берберовой к прошлому, повлиявшее на содержание ее мемуаров: «Сама я... не любила носиться со своим прошлым, теперь, когда я рассказываю о нем, мне хочется быть и увлекательной, и точной, и извлекать больше радости для себя от формулировок, чем от эмоций, с ним связанных. Эмоций, собственно, нет. Я не умею любить прошлое ради его “погибшей прелести”» (Там же, с. 21). И действительно, именно эта «погибшая прелесть» отсутствует в мемуарах Нины Берберовой – по крайней мере, в ее восприятии и преподнесении окружающей действительности. Так, описывая русскую жизнь и Россию в целом периода революции, Берберова в основном использует темные, негативные краски, обвиняя всех и вся: «Мне и сейчас еще кажется какой-то фантазмагорией та стремительность, с которой развалилась Россия, и то гигантское усилие, с которым она потом поднималась, – сорок лет. Тогда на верхах люди просто бросали все и уходили: сначала царь и его министры, потом кадеты, потом социалисты. Оставались самые неспособные и неумные, пока не провалились в тартарары и они. От святых (вроде кн. Львова) и до бесов, имена которых всем известны, все были тут налицо, вся гамма российских бездарностей, слабоумцев, истериков и разбойников... во всех российских несчастьях прежде всего и больше всего повинен царь» [1, с. 210]. Глобальные неурядицы проявляются у нее и в мелочах, частностях бытового эмпирического плана: «...я вижу только одно: грусть, бедность, негути, войну, сапог солдата, сапог городского, сапог генерала, мутное небо надо всем этим, осеннее небо военного Петербурга» (Там же, с. 60).

Берберова дает оценки до- и послереволюционной России, вдаваясь также в детали политики: «Ничего не неизбежно, кроме смерти. И революция не была неизбежна. Двадцатый век научил нас, что нищете и неравенство, эксплуатацию и безработицу преодолевают иначе... Не “даровать” сверху конституцию надо было, а совместно с оппозицией разработать ее и повернуть туда, где страна могла бы дышать и развиваться; не дворцовый пе-

реворот был нужен, а спокойный отказ от всех вообще дворцов и фонтанов, чтобы провести линию между мифом и действительностью. А если несчастные войны были России не по силам, то надо было оставить мысль о великой России раз и навсегда. Только недоразвитые страны делают революции – этот урок был нам преподан двадцатым веком, развитые страны меняются иначе» [1, с. 84]. С точки зрения мемуаристики, ее эпоха представляла собой причудливое смешение времен: сохранились дома, «где из прошлого делается будущее»; в них из граммофона «рычит голос Шалыпина», раздаются звонки первого телефона; сияет первая электрическая лампочка; у подъезда ждет пассажиров первый автомобиль, «чтобы везти нас на какое-то поле, смотреть полет первого биплана». И совсем уже страшное, зловещее, ненавистное: дом как «инкубатор», выращивающий людей, «чтобы выпустить их в стихию войн, революций, осад, бомбежек, лагерей и расстрелов, в стихию атомных бомб». Неутешительно звучит и итоговое высказывание: «И эшелоны, уходящие за полярный круг, и корабли, тонущие в океанах, и голодная смерть на городской скамейке чужой столицы – все предстоит всем. Ничто не предписано, все возможно» (Там же, с. 38).

Так же, как в целом переплетаются эпохи в ее мемуарах, так и пересекаются личности, принадлежащие к разным временам – и к прошлому, и к настоящему. Упоминания о тех людях, которые принадлежали к отжившей эпохе и чаще всего к моменту начала событий, описанных в мемуарах, уже мертвых, эпизодичны. В основном это или родственники самой мемуаристики, или прославленные личности. Причем тогда, когда Берберова пишет об уже ушедших знаменитостях, она старается выбрать для освещения те факты, которые поразили бы читателя своей скандальностью (например, упоминание об интересе молодого Л.Н. Толстого к мужчинам, подкрепленное цитатой из дневника самого писателя). Рассказы же о современниках составляют отдельные фрагменты в контексте воспоминаний. У Берберовой они органично вводятся в авторское повествование, образуя его логически неотъемлемую часть, поскольку связаны и с биографией мемуариста и со всей культурно-исторической атмосферой эпохи. Нина Берберова как жена Владислава Ходасевича и, конечно, самодостаточная творческая личность не могла не затронуть в своих воспоминаниях литературную составляющую жизни и быта. Вхождение в литературную среду Петербур-

га для Нины Берберовой ознаменовано встречей с Н. Гумилевым, годы эмиграции определяются знакомством с М. Горьким, И. Бунинным, В. Набоковым и др. Вспоминает их автор в основном по впечатлениям о благотворительных литературных вечерах, награждая каждого выступившего краткой характеристикой – по памяти (причем эта характеристика чаще всего была не слишком восторженной).

Однако не только в понятиях и категориях «большой» истории мыслит Берберова. Рассказывая свою историю, вспоминает она и запасы перчаток, которые у нее, к радости, сохранились с лучших времен: был запас свежих, целых перчаток, потому что ходить в старых – не комильфо. Повседневное-бытовое и глобально-историческое переплетаются в ее тексте подобно тому, как сами события эпохи проникали в жизнь людей подчас без их желания. Отсюда знаменательное признание: «С первого дня я смотрела на революцию не как на перемену, а как на данность, с которой мне предстоит жить мою жизнь». Перемену, по мнению мемуариста, революционные события могли нести людям другого статуса: «буржуйам», царям, «Врангелям», контрреволюционерам, но не ей самой. «Мне – восемнадцать лет, я – никто. Я беру революцию, как ту почву, на которой я буду вырастать. Другой не знаю. Запад? Где он? Прошлое? Не нужно оно мне. Ломка? Чего? Не хочу и помнить, что именно сломалось, дайте мне со всеми строить новое, а с черепками я не знакома. Они – часть детства. Будущее важнее прошлого». Исторические изменения находят отражение в первую очередь в трудностях чисто бытового характера, которые только впоследствии принимают необратимый глобальный масштаб: «Кто-то вокруг меня говорит, что “все пропало”, но я не верю этому, никогда не поверю. Пропал хлеб, пропало сало, пропали свечи. Пропала контрреволюция» [1, с. 73]. И это вполне закономерно, т.к. именно с таких, на первый взгляд, незначительных изменений и начиналась великая катастрофа – полное крушение старого мира.

Необходимо отметить, что жизнь после «катастрофы», революции и отъезда из России не поменяла своей окраски. Если в негативных тонах описывалось состояние умирающей империи (что вполне объяснимо), то и эмигрантское существование столь же нерадушно. Его описание дано с изрядной долей сарказма, обилием язвительно преподнесенных и истолкованных подробностей: «Тут же на столиках, с грязными бумажными скатертями, стояли грошовой

лампочки с розовыми абажурами, треснутая посуда, лежали кривые вилки, тупые ножи. Пили водку, закусывали огурцом, селедкой. Водка называлась “родимым винцом”, селедка называлась “матушкой» [1, с. 413]. Похоже, что в этих деталях как раз и скрывалась причина такого осмысления окружающей действительности мемуаристкой: «Я иногда больше не чувствовала себя живой, я чувствовала себя надломленной внутри, всеми этими годами, этой жизнью, всем, что случилось со мной... И мелочи раздражали меня, пустяки, о которых не стоило и думать, которых я раньше не замечала» (Там же, с. 424).

Хотелось бы в свете сказанного акцентировать особую эмоциональность повествовательной манеры Берберовой, в которой и восторженность (в эпизодах, связанных со счастливыми воспоминаниями), и критический пафос проявляются одинаково чрезмерно. Впрочем, мемуарист не скрывает своей пристрастности, позволяет себе быть капризной и своевольной. Тем не менее, даже учитывая то, что биографические и исторические факты зачастую не только переосмысляются в ее сознании, но и попросту искажаются, преподносятся предвзято, мы должны признать, что это не мешает целостному и полнокровному воссозданию характерных культурно-исторических черт эпохи.

Как заметил автор вступительной статьи к книге «Курсив мой» Е. Витковский, «Берберова не была ни историком, ни поэтом в точном значении этих слов – она была и тем и другим одновременно, и отчасти поэтому, в силу прошедшего в ее творчестве синтеза жанров, – чем-то высшим» [3]. Судьба страны выстраивала судьбу писательницы от гимназических лет, когда из-за политических событий переносились экзамены и убирался из программы Закон Божий, до того периода, когда, будучи уже многовидящей и многопонимающей, она с мужем покидает Родину навсегда. Но какой бы стороной не поворачивалась история, в центре всегда была она сама, Нина Берберова – ее мировосприятие, эмоциональное состояние, ее привязанности, вкусы, оценки, касающиеся отдельных фактов своей жизни, жизни окружающих людей, изменявшейся на ее глазах России в целом.

Литература

1. Берберова Н. Курсив мой. М., 1996.
2. Берберова Н. Предисловие ко второму изданию «Курсив мой». URL : <http://belousenkolib.narod.ru>.

3. Витковский Е. Почерк Петрарки. URL : http://www.imwerden.info/belousenko/books/Berberova/berberova_vitkovsky.htm.

4. Демидова О. Американский опыт Нины Берберовой // Обратная перспектива. 2007. №2. С. 152–184.

5. Трёлч Э. Историзм и его проблемы: логическая проблема философии истории / пер. с нем. М., 1994.

Way of life and history in the memoirs by N.N. Berberova

There is considered the specificity of historicism of N.N. Berberova: the peculiarities of the memoirs genre of the book “Italics of Mine”, the circle of themes, their coverage.

Key words: *memoirs, historicism, Russian abroad, first wave.*

Н.П. КРОХИНА
(Шуя)

ЧЕЛОВЕК НА СЛОМЕ ЭПОХ: «ИКС» Д. БЫКОВА КАК КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ РОМАН*

Роман Д. Быкова «ИКС» сопоставляется с культурфилософским романом первой половины XX в. Анализируются темы раздвоенности человека на сломе эпох, стершейся памяти, российского раскола, недостаточности бинарной логики, образы человека-кентавра и палимпсеста, мифологема смерти-воскресения.

Ключевые слова: *культурфилософский роман, идентичность, текст, палимпсест, бинарная логика, свое-другое.*

Тема человека на сломе эпох – одна из важнейших в современной литературе и искусстве. Она ярко заявлена в культурфилософском романе первой половины XX в. (Т. Манн «Волшебная гора», Г. Гессе «Степной волк», М. Булгаков «Мастер и Маргарита», Б. Пастернак «Доктор Живаго»); фильмах

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России (проект № 14.B37.21.0093).